

ЕКАТЕРИНА ГРАКОВА

БОЛЕТЬ ОТКАЗАНО

ДВОЙНОЙ СБОРНИК

Екатерина Гракова

Болезнь отказано

«Издательские решения»

Гракова Е.

Болезнь отказано / Е. Гракова — «Издательские решения»,

Этот сборник объединил под своей обложкой рассказы из малых сборников «Все больны, всем лечиться» и «Ходить по карнизам», в которых исследовались эмоции, изучались чувства, брались на анализы совесть и кровь. Теперь рассказы встретились и перемешались, соединив мистику с реализмом, фантастику с психоделикой, невесомость с клиникой. Прочитавшим — болезнь отказано.

© Гракова Е.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Невесомость	6
Руки ветра	6
Ходить, ходить, летать	12
Время не ходит	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Болезнь отказано
Двойной сборник
Екатерина Гракова

© Екатерина Гракова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Невесомость

Руки ветра

В записке, оставленной мне тётушкой Ханни, фигурировали адрес и краткое описание моего следующего пристанища, и, конечно, сопровождалась она традиционными для этой дамы высказываниями. Аккуратным круглым почерком в записке было выведено: «Дом номер 16а по Последней Восточной улице, сторона нечётная, не заблудись. Подъезд там один, на первом же этаже найдёшь госпожу Мрици, она даст тебе комнаты. Вещей много не бери – пространства там скромные. И будь осторожен: Дом сторожит ветер».

Дом с заглавной буквы. Я хмыкнул: тётушка Ханни всегда преувеличивает значимость вещей.

К вечеру я был на Последней Восточной улице. Не слишком длинная, не слишком короткая, извилистая и выложенная брусчаткой, эта улица выглядела пустой, как мой желудок, и скромной, как мои сбережения. Дом номер 16а делил улицу пополам: вправо и влево от него разбежались домишки поскромнее, этот же нависал над проезжей частью выступающим фасадом и, казалось, дотрагивался верхними балконами до соседа напротив. Если бы у меня было богатое воображение, я бы назвал этот дом не Домом, а Волнорезом.

Я остановился посмотреть на него, хотя уже порядком стемнело. Шесть этажей, арочные окна, высокая треугольная крыша – здесь мне предстояло жить следующие шесть недель, пока не решится судьба моего родового поместья.

Стоило мне ступить на дорожку, что вела во внутренний двор, как дикий порыв ветра буквально свалил меня с ног. Я упал на колени, оглушённый этой внезапностью, и тут же получил в лицо пригоршней сухих листьев. Ветер взьерошил мои волосы, рванул ворот пальто и влез за голенище левого сапога. И хотя это был всего лишь ветер – *я знал, что это был ветер*, – мне вдруг показалось, что на меня напало живое существо. Разбойник. Карманник. Хулиган с соседней улицы, в конце концов.

Сквозь завывания ветра я услышал пронзительный свист, доносившийся со двора, и через несколько мгновений рядом со мной остановился кто-то, закутанный в шаль. Женщина, решил я, протирая глаза от пыли. Или сохранившая стройность старуха. Без разницы.

В следующий миг она заговорила, и я понял, что ошибся в обоих случаях.

– Вам следовало предупредить нас о времени приезда, – произнесла незнакомка голосом юным, как весенняя трава. – Чужакам опасно ходить здесь.

Она помогла мне подняться, и пока я стоял, с удивлением разглядывая выбившиеся из-под шали белокурые волосы, она отряхивала мои брюки. Потом она выпрямилась, улыбнулась.

– Господин Номан?

Я поклонился.

– По словам вашей тётушки, вам пятьдесят лет. Вы что, где-то обронили их?

Улыбка у девушки была хитрющая, как у мышки, стащившей из кладовой кусок сыра.

– Если слушать мою тётушку, то можно подумать, будто всему миру пора на покой, – ответил я. – Она любит преувеличивать.

– Видимо, изрядно любит, – согласилась девушка. – Я госпожа Мрици.

– Вы? – я не удержался от удивления. – Я думал, госпожа Мрици – это такая необъятная домоправительница с тремя внуками на попечении, обязательно строгая и носящая закрытые платья.

Шаль, посмевшая соскользнуть с обнажённого плеча, тут же была водворена на место, а меня наградили укоризненной улыбкой.

- Идёмте, – сказала госпожа Мрици. – Я покажу вам комнаты.
- Я последовал за ней по дорожке и не сразу заметил, что ветер утих.
- Послушайте, – я догнал девушку и пошёл рядом, – что у вас тут за ветер такой бешеный?
- Он нас охраняет.
- Я вспомнил содержание тётушкиной записки, кивнул.
- Да, это я уже понял. Но почему?
- Потому что ему так хочется.
- Но ведь ветер – это всего лишь... природное явление, стихия.
- Да, мы знаем. Он, впрочем, тоже.
- Но, тем не менее, он вас охраняет.
- Именно.
- Может, у него ещё и прозвище есть? Ну, там, Волчок или Дружок...
- Фредерик.
- Что?
- Его зовут Фредерик. А что вы хотели? Он ведь не собака.

О ветре мы в этот вечер больше не заговаривали. Госпожа Мрици показала мне общую комнату на первом этаже, где постояльцы имели привычку проводить вечер, объяснила, что в Доме не любят шумных. Она отвела мне центральные комнаты на третьем этаже и велела по всем техническим вопросам обращаться к ней или к господину Мрици.

- Я вижу, вещей у вас немного, – заметила она, отдавая мне ключ от комнат.
- Тётушка Ханни...

– Снова преувеличила, ясно. Что ж, можете разжиться новым гардеробом, потому что шкафы у нас что надо. Завтракаем мы в семь, не опаздывайте.

Она пожелала мне спокойной ночи и ушла, кутаясь в свою шаль. Я проводил её взглядом. Занятное место. Такая молодая девушка – и правит таким громадным домом. Да ещё и с персональной охраной.

В моем распоряжении оказались две превосходных комнаты: спальня и гостиная приличных размеров, чистые и обставленные добротной мебелью. Оба окна выходили на дорогу, их занавешивали шторы насыщенных зелёных тонов. Гардероб оказался огромным, и я пожалел, что владею столь малым количеством вещей (советы тётушки здесь были вовсе ни при чём). На столе в гостиной я нашёл хороший запас свечей и тут же ими воспользовался, решив не зажигать лампу. В хождении по новому месту при неверном свете огня было что-то мистически-прекрасное.

Утром я проснулся пораньше, чтобы успеть позавтракать и не опоздать в контору: Дом располагался от неё гораздо дальше, чем предыдущее моё жилище. Одевшись, я спустился вниз.

За столом, накрытым в общей комнате, собрались постояльцы самого разного калибра. Здесь были и женщины среднего возраста, и старики с тросточками, и юные барышни в сопровождении не менее юных кавалеров, и с десяток детишек всех сортов и размеров. Одеты все были в разное, кто-то получше, кто-то похуже, и моя скромная рабочая одежда не выделялась на этом фоне, как в общей кладке не выделяется отдельный кирпич. Признаться, такое положение дел меня обрадовало, потому что я не любил, когда во мне признавали бедняка.

Вошла госпожа Мрици, и все приветствовали её, как члена своей семьи. Девушка всем улыбалась, у всех спрашивала самочувствие, некоторым пожимала руки, детишек гладила по голове. Пройдя мимо меня, она улыбнулась, и я вмиг вспомнил мышь-расхитительницу.

За вкусным и сытным завтраком я не сразу заметил, что разговоры, ведущиеся за столом, несколько не напоминают привычное ворчание и сетование разномастной аудитории на свою судьбу или положение дел. Кто-то хвастался новыми достижениями, кто-то хвалил соседей, парочка стариков в углу делились впечатлениями о прочитанном историческом

романе, а барышни, вопреки моему представлению о них как о созданиях легкомысленных, делились радостями материнства. Никто, ровным счётом никто не был несчастен или сердит. Я заметил, что госпожа Мрици взирает на них с выражением истинного довольства и покоя, и подивился, как она могла собрать в Доме столько счастливых людей.

За порогом, не успел я и десяти шагов пройти, на меня снова напал ветер. За ночь я как-то подзабыл о нём (да и не думал, что этот чертяка станет крутиться здесь утром), и он снова застал меня врасплох. Я с трудом удержал шляпу, но он раскидал полы моего пальто. Стоило мне запахнуть, как навстречу мне понёсся маленький пылевой смерч. Я было отвернулся, но тут откуда-то из дома засвистели, и смерч опал, ветер стих и вообще, кажется, умчался куда-то прочь. Я посмотрел на подъезд. На пороге Дома стояла госпожа Мрици и улыбалась.

День прошёл в заботах: начальство в который раз отказывало мне в переводе на другую должность, хотя никаких препятствий к этому, кроме близкого неустроенного родственника, не существовало. Уже четвёртый раз на место, словно специально придуманное для меня, садился посторонний для фирмы человек, и не удивительно, что я пребывал не в самом лучшем расположении духа. Возвращаясь домой, я мысленно награждал начальство красочными ярлыками, призванными показать, что человек этот не только заблуждается, но и вскоре поплатится за ошибки. Думать так было не слишком хорошо, но я никогда не мнил себя правильным человеком.

Я так погрузился в свои проблемы, что не заметил, как дошёл до дома, прошёл через общую комнату и поднялся на третий этаж. Только у дверей своей квартирки я опомнился и подивился, что ветер проигнорировал меня. Более того, его присутствия я и вовсе не почувствовал, и это заставило меня отвлечься, наконец, от своих проблем.

Переодеваясь ко сну, я думал о госпоже Мрици. Хорошенькая, как ручная мышка, она казалась мне странно-всемогущей: она не только держит Дом, но и повелевает ветром. Как? Знает ли господин Мрици, которого я ещё и в глаза не видел, что ему круто повезло?

Посреди сна, в котором я сбрасывал с городского моста верещащее начальство, что-то разрушило оковы моих видений, тряхнув стёклами в оконных рамах. Я открыл глаза и уставился в темноту потолка, потом перевёл взгляд на зашторенное окно. Шторы медленно колыхались.

Ветер, подумал я, повернулся на другой бок и закрыл глаза.

Что-то дикое ворвалось в мою постель, стянуло одеяло, выпотрошило подушку и сбросило меня с кровати, оглушённого, испуганного, открещивающегося от демонов, чертей или кого там ещё. Я не видел нападавшего, потому что в комнате было темно – оставалось совсем немного, чтобы я заорал в голос. Мне показалось, что у неприятеля холодные руки, и я ломал голову над вопросом, кто же мог так невзлюбить меня, чтобы напасть на меня в моей собственной квартире.

Вдруг я услышал голос госпожи Мрици, которая из коридора спрашивала, всё ли у меня хорошо. Потом в замке провернули ключ, и я понял, что она усомнилась в состоянии моих дел. Забавные у них тут привычки – входить ночью к постояльцам.

В следующую секунду холодные пальцы сомкнулись на моей шее, и я забыл о госпоже Мрици. Я силился разглядеть во тьме противника, почувствовать его дыхание, но перед глазами стояла только тьма – ночь была безлунная, и даже проём окна за шторами не выделялся пятном.

– Прочь! – вдруг крикнула госпожа Мрици, и по звуку её голоса я понял, что она уже в спальне. – Пошёл прочь!

Холод отступил, и в следующую секунду передо мной появилось её милое личико, озарённое светом свечи.

– Вы целы? – спросила она с беспокойством. – Он не повредил вам ничего?

– Он? – прохрипел я, держась за горло. – Кто это он? Кто это был?

– А вы разве не знаете? Давайте-ка я помогу вам подняться.

Едва она это произнесла, как я осознал, в каком виде предстал перед ней: загнанный в угол, в одном белье, растрёпанный и припорошенный перьями из разодранной подушки. Мило, ничего не скажешь. И очень пристало ночному визиту порядочной барышни.

– Лучше подайте мне халат, – попросил я, не двигаясь с места. – Это ничего, что вы в моей спальне? Господин Мрици потом не нагрянет ко мне с разборками?

Она улыбнулась – совершенная хитрющая мышь.

– Нет, – подавая мне халат, в который я немедленно облачился, произнесла она. – Он знает, чем я занимаюсь по ночам в случае необходимости.

– В случае необходимости?

– Фредерик не нападает просто так, господин Номан.

Я вытаращился на неё.

– Так это был ветер?!

– Разве я не говорила вам, что он сторожит Дом?

– Но он ворвался ко мне!

– Потому что он охраняет не только снаружи.

Она поставила свечу на стол у окна и повернулась ко мне, с остервенением отряхивающемуся от перьев.

– Вы что-то принесли сюда? – спросила она строго.

Серьёзные ноты в её голосе заставили меня прекратить совершенно несерьёзное занятие и посмотреть на хозяйку Дома со всей внимательностью.

– Нет, ничего не приносил, – ответил я. – Мне нечего приносить, я беден, как таракан.

– Это мне известно, – смягчилась она. – Госпожа Ханни говорила о ваших проблемах с наследством. Но я не имею в виду что-то материальное. Разве ваша тётушка не сказала?.. Наверное, нет, раз вы с таким недоумением смотрите на меня. Господин Номан, в этот Дом нельзя приносить беспокойство.

– Что нельзя приносить?

– И раздоры в том числе. Нельзя ступать на его порог злым на кого-то, нельзя входить в его двери, затаив обиду. Фредерик строго следит за чистотой душ в Доме.

– Вы говорите о ветре.

– Я говорю о ветре.

– О погодном явлении.

– Да.

– Которое вламывается к постояльцам и портит их имущество.

– Вообще-то, подушка принадлежит Дому.

Я молча смотрел на неё. В своём ли она уме?

– Вы вернулись недовольным, верно? – предположила она.

Я засомневался, стоит ли признаваться, но после некоторого колебания ответил:

– Да.

– Чем же?

– Простите?

– Чем вы были недовольны?

– Это не будет вам интересно.

– Фредерик так не считает.

– Это рабочие моменты, и всего лишь.

– Значит, вместо того, чтобы вернуться с работы и дать голове отдых, а душе – покой, вы продолжили беспокоиться и злиться?

– А что в этом плохого?

– О, ну, если вы задаёте этот вопрос, то вы, конечно, ничего плохого в этом не видите!

Она произнесла это таким тоном, что я мгновенно почувствовал себя не в своей тарелке. Я был в своей квартире, я заплатил за неё своими деньгами, но она всё равно была её. Она всё равно принадлежала Дому.

– Нельзя приносить сюда ничего плохого, – мягко сказал она, видя мою растерянность. – Вы не знали, конечно, а я была уверена, что госпожа Ханни позаботилась о снабжении вас информацией. Но теперь вы знаете, и я прошу вас быть впредь аккуратным со своими эмоциями, по крайней мере, прошу вас оставлять их за порогом Дома. Если не хотите, чтобы Фредерик снова ворвался к вам.

Она повернулась, чтобы уйти, но я остановил её вопросом:

– Откуда он знает?

Госпожа Мрици посмотрела на меня взглядом, в котором читалось нежелание выдавать тайны Дома временному жильцу.

– Он же всего лишь ветер, – добавил я, зная, что могу усугубить своё положение в её глазах.

– Конечно, – сказала мышь и ушла.

Остаток ночи я провёл в тщетных попытках уснуть, а утром едва не опоздал на работу. К счастью, начальство и само не торопилось появляться в рабочих чертогах, и я успел привести себя в полный порядок раньше, чем оно пришло. Весь день я думал о поместье, вопрос наследования которого лихорадил мою семью, и о доброте тётушки Ханни, которая никогда не отказывалась помочь любимому племяннику. Думал я и о Доме, но всё время отвлекался на человека, занявшего полагающееся мне место, и мысли мои, вместо того чтобы очиститься, принимались чернить себя вновь. Я был обычным человеком со стандартным набором эмоций, который не привык отказывать себе в удовольствии позлиться, который...

Удовольствие!.. Эта мысль пронзила меня, как молния, прямо посреди кабинета начальства, которому я принёс рабочие бумаги, и я, вместо того чтобы положить их ему на стол, застыл на полпути с самым дурацким выражением лица.

Удовольствие? Возможно ли это? Чтобы в этом была причина?..

– Господин Номан? – позвало меня начальство.

Я дождался окончания рабочего дня, ломая голову над этой мыслью, и отправился на Последнюю Восточную улицу, надеясь, что мне удастся докричаться до ветра. Послушает ли он меня? Отзовется ли?

Подходя к Дому, я замедлил шаг. Что, если он снова набросится на меня? Ведь я всё ещё не освободился от негативных эмоций, а мои благие намерения пока не были ему известны.

На дорожку я ступил осторожно. Да, ветер был на месте. Он подхватил меня в свои холодящие объятия, забрался в карманы пальто, растрепал шарф, попытался вырвать из рук папку, но быстро потерял к ней интерес, как будто что-то почувствовал.

– Фредерик, – позвал я его.

Ветер бил мне в лицо с ласковостью снежной бури.

– Фредерик, мне нужно поговорить с тобой.

Он прошёлся по моим плечам, и я мгновенно замёрз.

– Мне нужна твоя помощь.

Ветер на мгновение отступил, но напал снова, и я прикрыл лицо ладонью, когда он накрыл меня отбирающим дыхание шквалом.

– Выслушай меня!

Холодно, как на северном полюсе! Ветер бросался на меня со всех сторон, обжигал, кусал рукава, щёки, пальцы рук.

– Пожалуйста! – из последних сил крикнул я.

Он замер. Остановился, как вкопанный. Если бы у него были глаза, он бы сейчас, наверное, сверлил меня взглядом.

– Прошу тебя, Фредерик, всего лишь пара слов... – Я смотрел по сторонам, потому что он был вокруг, везде сразу. – Ты сторожишь этот дом, так?

Ветер обхватил меня за правую лодыжку, но я закричал:

– Стой, стой!.. Ты не даёшь злу проникнуть внутрь! А я хочу, но не могу избавиться от зла! Я постоянно злюсь на кого-нибудь, я вечно чем-нибудь недоволен, меня всегда терзают сомнения относительно моего будущего, будущего моей семьи.

Холод отступил, но не ушёл окончательно.

– Я хочу войти в этот Дом чистым от гнева, но не могу. Я не умею очищать разум, оставляя только хорошее. Я понимаю, почему ты злился на меня, почему ворвался ко мне ночью – это не *ты* побеспокоил меня, а я тебя. Извини меня, Фредерик.

Вокруг было тихо. Ветер притаился где-то рядом, но я не чувствовал его прикосновений.

– Я видел людей, что живут в доме. Я слышал, о чём они говорят. Скажи мне, это ты сделал их такими? Эти ты очистил их? Значит, я тоже смогу таким стать? Я подумал, что, может, все мои проблемы – финансовые, семейные, рабочие – происходят от неумения ладить с самим собой? Это ведь так приятно – позволять себе злиться, мысленно подбирая противнику красочные эпитеты, молча побеждать врага, не видя его перед собой. Это своего рода удовольствие, правда?.. Я знаю, что тебе известно всё то, о чём я говорю, и я прошу тебя понять меня, хотя ты мне ничем не обязан. Фредерик, позволь мне остаться и побороться за чистоту моих помыслов.

Затаив дыхание и прислушавшись, я попытался понять, здесь ли он ещё, со мной ли. Тишина стояла оглушительная, из Дома не доносилось ни звука.

На противоположной стороне в одном из домишек негромко хлопнула дверь.

Вдруг что-то коснулось моей шеи. Вспомнив ночное нападение, я приготовился ощутить на себе силу местного сторожа и дать отпор, если понадобится. Мне так хотелось верить, что он услышал хоть одно моё слово, но всё, похоже, было напрасно.

Прикосновение оказалось тёплым. Как будто невесомая кошка улеглась мне на плечо и прижалась мохнатым боком.

Ветер коснулся моего лба, шеи, правой руки. Потом подхватил с дорожки большой кленовый лист, закружил его, швырнул мне в руки и был таков. Через минуту я услышал, как он свистит в черепице крыши.

Вместо шести недель я прожил в Доме четыре. Однажды вечером мне принесли записку, в которой тётушка Ханни извещала меня о разрешении дела с наследованием и советовала подготовиться к отстаиванию своих прав – теперь уже на полном основании. Вместе с тем она сообщила, что я могу въехать в поместье в любой момент, так как арест со всего имущества снят, и моё семейство возвращается на родину. Не помня себя от радости, я прочитал эту записку в общей комнате за ужином, и все начали поздравлять меня, жать руки, говорить, что теперь-то у меня точно всё получится. Госпожа Мрици одарила меня своей хитрющей улыбкой и пожелала удачи.

Когда на следующее утро я вышел из Дома, чтобы навсегда покинуть его, Фредерик уже ждал меня. Он дул ровно и легко, словно желая мне попутного ветра, и я позволил ему расшептать мой новый шарф.

– Жаль, что ты один такой, дружище, – сказал я ему, – мне бы в моём поместье подобный сторож не помешал.

Фредерик, словно прощаясь, обхватил мою правую руку, пробежался по голеницам сапог, заглянул напоследок в карман и умчался ввысь.

Я до сих пор верю, что он унёс тогда мои последние беды.

Ходить, ходить, летать

– ...а у озера выстроены маленькие домики, и в них живут туристы, которые проезжают через равнину и не могут заплатить за гостиницу, – рассказывал старик. – Гостиница стоит дорого и люди там заправляют важные. А у озера всё просто: приехал, получил ключи, въехал, заночевал, уехал. Никаких неудобств, в том числе с деньгами.

– То есть туристы не платят за ночлег? – с недоверием спросил я.

– Не совсем. Им по утрам, перед самым отъездом, предлагают полить одну или две грядочки. Дело не бог весть какой сложности, но хозяевам приятно, грядкам полезно, а кошелькам туристов – большое облегчение. Говорят, что платить так или иначе приходится, но не в этом случае: в гостинице у озера действуют принципы взаимопомощи, а не наживы.

Тимба, которой недавно исполнилось семь, смотрела на старика глазами размером с блюдце; её восхищало всё, о чём он говорил, хотя половины она не понимала. Мне с доверчивостью не так везло, я слушал господина Крида с толикой интереса, но без особого восторга.

Как может едва ходящий старик говорить о том, чего не видел? Он целыми днями сидит у себя в доме на окраине города, никто его не навещает, кроме нас и наших родителей, а радио у него настроено на какие-то иностранные, судя по невнятному бормотанию, волны. Он не может читать газет, потому что слабо видит, не может ходить в гости, потому что страдает артрозом (так мне сказала мама – тайком от Тимбы), он даже не может позвонить друзьям, потому что у него нет друзей. Станный старый человек, этот наш господин Крид, и только Тимба, по прихоти родителей наречённая его крёстной дочерью, беззаветно обожает его.

Но мне-то уже двенадцать, я-то понимаю, что такого не бывает – чтобы человек, не сдвинувшись с места, узнал о том, что происходит на другом конце света!

Когда мы в тот день шли с Тимбой домой, она, приплясывая вокруг меня, выпрашивала и назавтра пойти к господину Криду, а я ворчал и сердился, потому что хотел заняться своими делами. Проторчать все выходные у старика – нет уж, увольте!

– Ну пожалуйста, Форд, пожалуйста! – канючила сестра. – Давай пойдём. Он обещал мне рассказать про пустыню с самым большим оазисом в мире!

– Когда это он тебе такое обещал?

– Перед выходом. Ты уже ушёл, а дедушка подозвал меня и пообещал. И ещё про ферму...

– Ладно, пойдём, – сказал я, и когда Тимба запищала от радости, добавил: – Только ненадолго. И не с раннего утра. И если вдруг пойдёт дождь, мы останемся дома.

Но кому это я говорю? Егоза уже умчалась далеко вперёд, изображая ласточку, и на улице я остался один, хотя мама всегда говорила, что мы должны ходить вместе.

Как же, вместе! Когда Тимба чему-то радуется, её на месте не удержишь. Она готова оббежать весь город и каждому сообщить о случившемся с ней счастье, а уж если счастье это касается старика Крида... Она верит всем его сказкам, но ведь и дураку понятно, что он сочиняет!

Наутро, как назло, дождя не было, а Тимба встала в пять часов, чтобы не проспаться наш поход (эта её логика заставит меня, наверное, постареть на двадцать лет раньше). Отец, прежде чем уйти загорать на задний двор, посоветовал мне держать нос выше, но я подумал, что взрослые сами порой не понимают, что говорят. Если я стану держать нос выше, мне придётся идти, задрав подбородок к небу, а так недолго споткнуться и подвернуть ногу.

Взяв приготовленную мамой корзинку с едой («Вы скоро проголодаетесь, да и господина Крида не мешало бы угостить за то, что он позволяет вам целыми днями торчать у него»), мы с Тимбой отправились к старику. Солнце уже пекло, и к нужному дому мы подошли поджаренными, как скрытые в корзине блины.

Тимба позвонила в дверной колокольчик, толкнула незапертую дверь и крикнула в пустоту прохладной прихожей:

– Это мы, бабушка!

Она всегда так кричит – с порога, чтобы он знал, кто пришёл, и всегда звонит, хотя он никогда не выходит на звонок. Это часть их ритуала, который кажется мне глупым, но я не нарушаю его из уважения к сестре. Иногда мне даже становится забавно наблюдать, как церемонно, словно ей кто-то вменил это в обязанности, маленькая белокурая девочка звонит у входа в небольшой старый дом, а потом оповещает о своём прибытии, и идёт внутрь, в гостиную, где у окна сидит седой старик, и здоровается с ним лицом к лицу, как взрослая, чтобы уже в следующий миг стать самой собой и броситься крестному на шею.

Мне кажется, что господин Крид обожает Тимбу так же, как она обожает его, только он не выражает это так, как моя сестра. Вот была бы умора, если бы он бросился ей на шею!

– Про ферму, бабушка, – попросила Тимба, садясь в кресло.

Кресла у старика такие глубокие, что в них можно утонуть. Когда в них садишься, ноги задираются выше подбородка, и приходится как-то изворачиваться, чтобы не дать ногам заслонить обзор. Мы с Тимбой придумали, как можно сидеть в таких креслах: достаточно поджать ноги и сесть на них, а на колени положить диванную подушку, чтобы можно было поставить на неё локти и подпереть руками голову. Однажды я решил так же сесть в кресло у дяди Барта, но родители попросили меня вести себя прилично. Господин Крид почему-то ни разу нам не сказал, что мы что-то делаем не так.

Впрочем, он вообще странный человек.

– Ферма эта расположена у самого края Красных гор, – начал говорить странный человек, и Тимба в своём кресле затаила дыхание. – Там, под взглядами сотен отрогов и кражей, выращивают лошадок редкой лиловой масти. Помимо окраса, лошадки отличаются прекрасным нравом и лечебным воздействием на окружающих. Каждый, кто катается на них, становится здоровее. Не излечивается полностью, но получает облегчение, боли на время затихают, а когда возобновляются, то силы в них уже такой нет. Лошадок не продают, хотя от покупателей отбоя нет, а только разводят и холят.

– А зачем просто так разводить лошадей? – спросил я.

Старик посмотрел на меня и слабо улыбнулся.

– А кто говорит, что просто так? За целебные свойства лошадей фермеры берут с посетителей деньги, конечно, небольшие, но всё же. Впрочем, живут они с другого. У них есть огромный кусок земли, где они выращивают то ли кукурузу, то ли пшеницу, то ли вообще картофель, и на продаже этих культур живут. Но главное-то не в этом, Форд. Главное в том, что лиловые лошади больше нигде в мире не встречаются.

– Нигде-нигде? – не поверила Тимба.

– Нигде-нигде, – подтвердил старик.

Я вздохнул. Ну ладно, нигде-нигде, дальше-то что?

Дальше сестра попросила рассказать про оазис, и господин Крид охотно заговорил снова. Он, наверное, любил свои истории не меньше Тимбы, потому что всегда рассказывал их с таким вдохновением, будто всё это случилось при нём или он лично знал тех людей, что участвовали в его рассказах.

История про оазис завершилась блинным пиршеством, а потом я сказал, что негоже отнимать у бабушки столько времени и что нам пора. Тимба запротестовала было, но сникла, едва только взглянув на моё лицо. Она хоть и была маленькой, но уже как-то понимала, что у моего терпения есть предел.

– Жаль, что вы так быстро уходите, – сказал вдруг господин Крид, наблюдавший, как Тимба собирает корзинку. – Я ведь скоро перестану ходить.

Ты и так не ходишь, чуть было не сказал я, но Тимба спросила:

– Почему?

Какой же она иногда бывает глупой! Разве не понятно, что её крёстному уже сто лет в обед стукнуло?

– Чтобы начать летать, – ответил старик. – Сейчас я всё больше хожу, собирая истории, которые потом рассказываю вам, а когда стану летать, то истории будут другие. О далёких закоулках мира. О небесах. О звёздах, что за небом.

– И о луне? – шёпотом спросила Тимба.

– И о ней тоже.

– Но это же здорово! Я хочу послушать новые истории!

– И я тоже не прочь, но ты подумай, как долго мне придётся собирать их. Мир невероятно большой, а у меня не так много времени...

Я не видел лица сестры, но по тому, как старик смотрел на неё, я понял, что её чувства ему очень дороги.

Он сказал:

– Но я постараюсь управиться как можно скорее. Полетаю с пару дней, вернусь с парой новых историй, может, даже с пяток принесу, а потом опять летать. Всё проще, чем ходить. У меня, видишь, от хождений ноги болеть стали, как будто я все истории, которые по миру собираю, к ногам привязываю и так с ними иду.

Тимба засмеялась – ей понравилось сравнение. А вот мне сравнение не понравилось вовсе. Зачем дурить девчонке голову?

– А когда ты начнёшь летать?

– Может, сегодня-завтра, может, через неделю. Пока у меня хватит историй, запас большой, но потом я надолго отлучусь. Ты ведь дождёшься?

Конечно, Тимба пообещала ждать. Она могла пообещать за истории что угодно! Даже, наверное, душу бы дьяволу продала, только бы послушать старика.

Вечером за ужином отец читал воскресную газету и когда ему встречались интересные вещи, зачитывал их нам. У них с мамой была такая игра: он читал ей и нам из газет, она ему и нам – из книг. Тимба всегда задавала много вопросов, выясняя значение того или иного термина, той или иной фразы, а мне казалось, что в газетах пишут всякую ерунду, а в книгах заумности трачены молью. Я никогда не подыгрывал им, даже если какая-то история и казалась мне интересной. В моём возрасте уже не верят каждому кричащему заголовку и не задумываются над смыслом высказываний известного философа.

По крайней мере, если хотят стать велогонщиками и участвовать в марафонах, как я.

– Послушайте-ка! – вдруг сказал отец так громко, что мы подскочили на своих местах. – Какая любопытная статья!.. «На озере Вальд открылась гостиница благотворительного типа...»

– Что значит «благотворительного»? – тут же спросила Тимба.

Мама постаралась объяснить ей значение слова, но сестра, кажется, всё равно не поняла, а отец продолжил читать:

– «В гостинице селятся те, кому не досталось номера в известной в этих местах гостинице „Королевская мантия“, и владельцы её не берут с клиентов ни монетки. Пока жильцы „Мантии“ раскошеляются за ночлег, постояльцы „Щедрой“ (так и назвали, представьте!) поливают грядки в огороде у озера. С этого же огорода пополняются запасы кухни „Щедрой“, поэтому можете быть уверены, что в этой гостинице вас ждут только свежие завтраки и ужины». Подумать только, поливать огород!

Отец сложил газету, приместил её на краю стола и принялся за отбивную.

– А что, я бы полила пару грядок, если бы это сэкономило мне десять монет, – сказала мама. – Да и если б не сэкономило... так приятно пройтись с лейкой по огороду с утра...

Мама, конечно, имела в виду не тот огород, который описывался в статье. У нас нет такого огорода. А мамин цветник считать огородом было бы очень самонадеянно.

Меня мучило только одно: откуда господин Крид узнал об этом озере с гостиницей? Может, это старое издание?

Я посмотрел дату, развернув газету к себе. Нет, дата вчерашняя, дневной выпуск. Газета вышла позднее даже, чем мы услышали историю от тимбиного крёстного. Это что же получается?..

Утром я оседлал свой велосипед и поехал в школу. Тимба по обыкновению ушла раньше меня вместе с подружкой. У самой школы я догнал их и, обгоняя, показал язык. Никакие ноги не сравнятся с парой колёс!

Все пять дней, что мы учились, я не слышал о господине Криде ни слова. Тимба два раза ходила к нему после школы, но возвращалась подозрительно быстро. То ли старик хотел отдохнуть от нас до выходных, то ли и правда, ха-ха, улетел. В любом случае, Тимба мне ничего не говорила, а мне и не интересно было, я готовился к субботнему заезду и целыми днями колесил по окрестностям. Вымышленные или правдивые истории отошли на второй план, забылись, утратили свою остроту и возмутительную наивность, а выходные, отданные любимому делу, виделись мне ясно и неопровержимо.

В пятницу вечером Тимба пришла на задний двор, где я приводил своего боевого товарища в порядок после заезда, села на лавочку и стала ждать. Я понимал, что она ждёт, пока я обращу на неё внимание и, возможно, спрошу, чего она от меня хочет, но мне не хотелось отвлекаться от велосипеда. Начинало темнеть, а работы ещё было прилично, ко всему нужно было подкачать колёса и мазнуть краской заднее крыло (краску мне выдал отец, сказав: «На реставрационные работы»). Времени лишнего не было совершенно.

– А мы пойдём завтра к бабушке? – вдруг спросила Тимба.

– Нет, – ответил я, не переставая работать насосом.

– Почему?

– У меня завтра соревнования. Прямо с утра.

– Даже если пойдёт дождь?

– И снег.

– Неправда.

– А вот и правда.

– Никто не ездит в снег.

– А мы поедem. Это же соревнования! Их никто не станет переносить из-за непогоды.

– А почему мы тогда не ходим к бабушке, если идёт дождь?

– Потому что.

– Мы ведь можем взять зонтик и дойти сухими.

С чего вдруг Тимба стала такой умной?

– Потому что ты не хочешь, да?

Я молча возился с велосипедом, надеясь, что сестра уйдёт, если я не стану с ней говорить. Но Тимба всё не уходила.

– А после соревнований пойдём? – спросила она.

– Дай деду отдохнуть от нас, – сердито ответил я. – Хоть одни выходные.

– Но он любит, когда мы приходим...

– Это тебя он любит! – не выдержал я. – А на меня ему плевать! Это тебе он рассказывает свои сказки, потому что знает, что я ему не поверю, это тебя ждёт каждые выходные и специально открывает дверь, чтобы ты могла войти. Или ты думаешь, что он спит с незапертой дверью?

Тимба удивлённо смотрела на меня, и этот взгляд её – ошеломлённый какой-то – ещё больше рассердил меня. Малявка! Воображает, что все люди вокруг хорошие!

Когда я отвернулся к велосипеду, Тимба встала с лавочки (я услышал, как зашуршало её платье), пошла к дому, потом остановилась и сказала:

– Дедушка уважает тебя. Он мне говорил.

Утром, когда мы уже все собрались, пошёл дождь: мелкий противный дождик, который при попадании за шиворот заставлял ёжиться. Похолодало, велосипед стал ледяным, не спасали даже пластиковые насадки на ручки руля. Когда заезд начался, меня посетила мысль: лучше бы я пошёл с Тимбой к господину Криду, у него в домике, по крайней мере, всегда тепло. Впрочем, дождь и разводимая им на трассе грязь быстро отвлекли меня от сожаления, а вырвавшиеся вперёд противники заставили сосредоточиться на управлении.

После соревнований я вернулся домой и застал Тимбу у порога.

– Ты куда? – спросил я, не поняв, пришла сестра или уходит.

– Никуда, – кротко ответила она.

Я скинул кроссовки, растянул на вешалке промокшую куртку, сунул ноги в домашние тапочки и вдруг поймал взгляд Тимбы. И тут же догадался, что она здесь делает. Вот чудилка!

– На улице льёт как из ведра, – предупредил я.

– Мама разрешила взять её зонтик.

– А сама она где?

– Ушла с папой в гости.

Надо же, маленькая зануда упростила их оставить один зонтик. После того, как мы, играя, сломали мамин старый любимый зонтик и насквозь промочили папины новые галоши, родители запретили нам прикасаться к их погодным вещам.

А теперь как отвертеться? Если уж сама мама дала Тимбе зонтик...

– Ладно, через полчаса пойдём, – сдался я.

На этот раз Тимба не пищала, выражая восторг. Она просто улыбнулась, и мне стало не по себе: словно все предыдущие разы, когда я ей отказывал, я забирал у сестры часть принадлежащей ей радости. И когда я понял, что она всё же радуется, несмотря на всю мою ворчливость, что она не сердится на меня, хотя могла бы и должна была бы, я подумал о том, что родители подарили мне хорошую сестру, а вот ей с братом повезло не так.

Пока я обедал, Тимба тихо, как мышка, сидела напротив и читала какую-то свою книжку. Когда же я переоделся, отыскал другую куртку и сказал, что могу идти, она достала из шкафа мамин зонтик и сунула ноги в резиновые сапоги. Её отчётом о готовности снова была улыбка.

Мы вышли из дома, укрылись под серым в крапинку грибом и двинулись по знакомому маршруту на другой конец города. Дождь барабанил по нашей крыше и норовил сигануть за голяшки сапог, но нам было всё нипочём: мы шли, держа один на двоих большой зонтик, шли почти в ногу и, наверное, даже думали об одном и том же.

Окажется ли господин Крид дома? И если да, то какие истории он приготовил нам в этот раз?

Дверь была открыта почти на пол ладони, и я сразу подумал о нехорошем. Пусть бы только Тимба не догадалась!

Но она, похоже, не догадалась или подумала о другом. Она позвонила, как обычно, и прокричала приветствие, как обычно, и прошла в дом обычным же шагом, и я поторопился за ней, на ходу складывая зонтик, а потом даже обогнал, чтобы, если вдруг мои подозрения верны, сестра не узнала о них первой. Пусть лучше я.

Господин Крид сидел на своём прежнем месте и улыбался, и выглядел так, словно никогда это место не покидал и только тем и занимался, что целыми днями ждал нас.

Пока они с Тимбой здоровались, я пытался понять, почему настроился на дурные мысли. Старик ещё может прожить целую кучу лет, помимо артрита у него вроде и болезней-то никаких нет, а я...

– Дедушка, а ты улетаешь, да? – затараторила Тимба. – Я приходила, а тебя не было.

– Улетал, да, девочка моя, искал для вас новые истории, – сказал господин Крид, и сестра бросилась устраиваться в кресло. Я последовал её примеру. – Про что вам больше хочется услышать: про кошку о двух головах или о новом доме в целых десять этажей?

– Про кошку!

– Про дом!

Мы сказали это одновременно с Тимбой, потом посмотрели друг на друга, переглянулись со стариком и засмеялись.

– Ну, тогда про всё, – сказал тот, и истории полились.

Ночью мне приснился господин Крид, который вылез в окно гостиной, по водостоку поднялся на крышу и оттуда шагнул в небо. У него мгновенно выросли крылья, которые подхватили его сухое, длинное тело и понесли куда-то в заморе. Он отправился собирать истории, подумал я во сне, и мне стало отчего-то тоскливо, да так, что я проснулся и долго не мог уснуть.

За завтраком, прежде чем сестра успела вымолвить хоть слово, я сказал, что мы идём к господину Криду, и Тимба засветилась. Я попросил маму приготовить побольше пирожков с вареньем и пообещал ей вернуть полотенце, которым она накрывала гостинцы старику.

Едва мы вышли из дома, как я сказал:

– Давай поедем на велосипеде. Так быстрее.

– Давай! – обрадовалась Тимба.

А я обрадовался тому, что ей всего лишь семь лет и она не поняла, почему я решил взять железного коня.

Тимба держала в одной руке корзинку, а другой цеплялась за сиденье (она ехала на багажнике, который я убирал, когда участвовал в заездах), а я крутил педали так быстро, что ветер свистел в ушах. Мы промчались по городу на огромной скорости, бросили велосипед у крыльца, позвонили и толкнули дверь.

Дверь открылась со скрипом, чего за ней никогда не замечалось.

Тимба посмотрела на меня такими большими глазами, что я понял – она догадывается. А я всё ещё считаю её маленькой!

Она всё равно крикнула «это мы, бабушка!» и вошла, я пошёл за ней, теперь уже опасаясь, что просто не увижу. Я боялся не увидеть. Мне хотелось услышать ещё одну историю, пусть даже неправдоподобную, хотелось, чтобы он просто сидел у окна, как и прежде.

Гостиная была пуста.

Радио молчало.

Тимба поставила корзинку с пирожками на стол, где мы всегда пили чай, а я прошёл к окну, тронул спинку стула, почувствовал, что она тёплая, и с минуту смотрел в окно, не в силах вымолвить хоть слово. Тимба тоже молчала. Потом тронула меня за руку.

– Он улетел, – тихо сказала она. – Улетел собирать истории.

Ох, Тимба!

Я отошёл от окна, двинулся вокруг по гостиной, вдоль мебели, которую раньше не замечал. Он жил здесь все эти годы, а я даже не видел, что у него есть этажерки с нашими фотографиями и огромный, набитый книгами шкаф. Взгляд скользнул по корешкам: «Степи Белого полуострова», «Города и люди севера», «Феномены центральной части континента». Всё это было частью его самого, и до сих пор эта часть меня не интересовала.

Почему?

Что-то в шкафу привлекло моё внимание, я протянул руку и взял вложенный между двумя книгами лист.

Это был листок из обычного блокнота, на каких, бывало, родители оставляли друг другу или нам с Тимбой записки. И на нём было прерывистым почерком выведено:

«Форду. Береги сестру. Книги твои. И твоя очередь рассказывать истории».

Время не ходит

В маленькой зелёной гостиной, где источниками света служили только огонь в камине и свеча на секретере, уютно пахло елью. В коридоре умеренно громко тикали настенные часы, а на окне умывалась большая рыжая кошка; внутри кошки работал крошечный моторчик, который задавал тон всем звукам и шевелениям в гостиной.

Мягкое развалистое кресло было оккупировано старичком. Острое личико его наводило на мысли о лисах, а хрупкое телосложение говорило о солидном возрасте. Старичок попивал чай с мёдом и кутался в толстый флисовый плед. Не то чтобы ему было холодно, нет. Скорее ему было неудобно сидеть. Просто сидеть, понимаете? Он не привык сидеть. Не его это было дело.

Когда старичок смотрел в огонь, в его глазах, острых, чёрных, бездонных, шёл снег. Снег падал медленно, кружился, кружился, ложился на мостовые, на заборы, на крыши домов, укутывал белым улицу за улицей, город за городом, страну за страной. Когда старичок моргал, снег на мгновение пропадал, а потом шёл дальше. Он как будто жил одновременно со старичком и в то же время – где-то в другом измерении.

– Вот бы сейчас туда, – произнёс старичок, обращаясь явно к кошке, хотя и смотря по-прежнему в огонь. – Пойти погулять, посмотреть, как там остальные...

Рыжая громко замурлыкала.

– Успокоить их, сказать, что всё в порядке, – старичок слабо улыбнулся. – Что всё будет хорошо, а хаос – дело наносное. Или ты как думаешь – розовые очки на мне, а?

Он посмотрел на кошку, и та, словно обдумывая вопрос, замерла на окне. В голубых глазах её отразился старичок, только не тот, что в кресле, а другой – за работой, здоровый, на ногах, идущий куда-то вместе со снегом.

– Э-э, да на тебе такие же! – вздохнул старичок.

Не успел он вернуться к чаю, как во входную дверь позвонили: по коридору и гостиной разлился голос соловья-свистуна. Кошка рыжей молнией метнулась с окна ко входу, а старичок слабым голосом крикнул:

– Иду!

Но едва поднявшись с кресла, он, охнув, упал обратно.

В гостиную вошёл высокий крепкий старик в плаще и при шляпе, при взгляде на него представлялись скалы и в то же время – пустыни.

– Сиди-сиди, – сказал вошедший старичку, когда тот снова сделал попытку встать. – Береги ноги. Да у тебя и не заперто, я вижу.

– Хорошо, что ты зашёл, – прошелестел старичок, указывая гостю на соседнее кресло. – Я уже думал послать кого, чтобы мне новости принесли. А то видишь, к ногам спина присоединилась: как сел в кресло утром, так до сих пор подняться не могу.

– А и сиди, чего тебе по дому ходить? Чаем-то кто поит?

– Дык... никто. Это я утром как сделал, так и...

– Плохо. Давай-ка я поставлю чайник.

Старик ушёл на кухню, а через минуту уже вернулся, неся в каждой руке по дымящейся кружке.

– Вот, давай, пей, мёдом сдабривайся. Жаль, что я раньше не зашёл, так бы ты уже поправиться начал. Плохо, когда ни одной живой души рядом нет.

– У меня-то есть, – старичок улыбнулся. – Только она чай делать не умеет.

Оба посмотрели на кошку, что устроилась на каминном коврикe и улыбнулись каждый чему-то своему. Потом гость посерьёзней: кашлянул, снял шляпу, положил её на подлокотник.

– Без тебя трудно там, Время.

Старичок кивнул.

– Я догадывался. Надеялся, правда, что выкарабкаются как-то...

– Нет, не выкарабкаются. Без тебя – не смогут. Ты же лекарь, один-единственный, так?

А теперь тебя самого лечить надо.

– Да вот уже пару дней как получше стало. Если б ещё не спина... Ты вот скажи мне, Пространство, Подарочник-то сегодня придёт?

– Конечно, придёт, праздник ведь. Сказал, что к тебе-то уж точно заглянет. Я так думаю, ему тоже без тебя худо: не успевает нигде, а желаний в этом году больше скопилось, чем за прошедшие триста лет. Когда я к нему зашёл, он едва ли мог уделить мне секундочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.